

Моральные и религиозные нормы: пространство интерпретации

В. Л. Александров

Рефлексия над социальными нормами – одна из важнейших задач философии. Так проявляются мировоззренческая, методологическая и социально критическая функции последней. По отношению к нормам рефлексия включает в себя анализ их возникновения, установления и трансформации, описание их структуры, сравнительный анализ их функционирования в различных социокультурных средах, трактовку (герменевтическую, структуралистскую, экзистенциальную, психоаналитическую и т. д.) их сущности и применения в конкретных ситуациях, оценку их потенциальной выполнимости и реального соблюдения. В рамках данных тезисов сосредоточимся на некоторых аспектах интерпретации моральных и религиозных норм.

Норма как общее правило поведения никогда не является чем-то самоочевидным, ясным для выполнения во всех заданных ситуациях. Норма нуждается в конкретизации, уточнении, верификации. Среди разнообразных видов социальных норм, которыми очерчивается жизнь человека (правовые, традиционные и др.), моральные и религиозные нормы отличаются большей расплывчатостью содержания и, как следствие, неопределённостью оценки их соблюдения/нарушения.

Для иллюстрации последнего тезиса прибегнем к образной модели. Социальную норму (в т. ч. моральную или религиозную) можно представить как систему координат с количеством n осей (измерений). Каждое измерение – это один из атрибутов нормы. Поскольку норма чаще всего предписывает или запрещает какое-либо действие, то с точки зрения теорий социального действия основными осями такой системы координат можно считать: субъект действия, объект действия, способ действия, средства действия, обстоятельства (условия, мотивы и пр.) действия, результат действия. Оценка соблюдения/нарушения нормы представляет собой проекцию конкретного поступка на систему координат. Но этой оценке предшествует мировоззренческая процедура интерпретации самой системы координат, расшифровки каждой из её осей. Рассмотрим эту модель на примере интерпретации заповеди «не убей». При всей кажущейся очевидности своего содержания это модальное суждение имеет множество неявных, отсылочных коннотаций с различным толкованием. Кто подразумевается в качестве субъекта действия, вернее, отказа от его совершения? Из текста Библии ясно, что Моисей формулировал норму (скорее юридическую, чем моральную, ибо предполагавшую суровое наказание за несоблюдение) только для своего народа, и лишь значительно позднее она стала приобретать «общечеловеческий» импульс и потенциал. Ещё больше вопросов и сомнений об объекте действия. Говорится ли о запрете убийства людей (как считает большинство) или также каких-либо иных живых существ, или всех живых существ (по аналогии с древневосточным принципом ахимсы

– не причинения зла всему живому)? Отсутствие этого указания в самой заповеди одними будет трактоваться якобы с очевидностью подразумеваемого узкого смысла («не убивай человека»), других же (от буддистов и джайнистов до Альберта Швейцера и Льва Толстого) заставляло задумываться о расширительном толковании. Но даже если ограничиться «человеком» как объектом, из исторического экскурса выясняется, что в большинстве культур и цивилизаций древности (да и, к сожалению, некоторых современных обществах) под такой запрет попадали действия только по отношению к соплеменникам и единоверцам (и сам Моисей здесь не исключение). С большим трудом в коллективное сознание проникал «общечеловеческий» образ человека. Даже великие люди своих эпох были ограничены их рамками: Аристотель считал рабов «говорящими орудиями труда», отцы-основатели американского государства, включая в «Декларацию независимости» тезис «все люди созданы равными», по умолчанию исключали из этого равенства женщин, темнокожих, рабов.

Ещё большее разнообразие толкований возникает на оси условий и обстоятельств действия. Колебания и противоположные ответы множатся при вопросах «нелинейного характера»: считается ли нарушением заповеди убийство на войне (и зависит ли это от вида войны), при самозащите, при исполнении приказа, для предотвращения другого преступления (например, теракта), случайное (непреднамеренное); являются ли убийством смертная казнь, аборт, эвтаназия (пассивная или активная), самоубийство, доведение до самоубийства и т. д? Более того, каждый такой вариант насильственного прерывания жизни предполагает массу обстоятельств, которые для одних людей будут означать признание нарушения нормы, для других – нет. Например, кто-то из противников аборт будет считать это злом ничем не оправдываемым, другие посчитают это допустимым при определённых условиях (медицинские показатели угрозы жизни, беременность как результат насилия и др.).

Многочисленные дискуссии в печатных и электронных СМИ, в Интернете, в частных разговорах показывают, что предметом спора выступают не сами нормы, а пространство их толкования, границы их применения, перечни исключений, которые не отменяют и не подрывают норму. Острота этих споров прямо пропорциональна слепой, нерелексивной уверенности участников в своей правоте. При этом никакие ценности политкорректности, мультикультурализма, толерантности не выступают «подушкой безопасности», ибо сама природа моральной оценки предполагает обязательное чувство своей правоты, при котором любой, думающий принципиально иначе – с твоей точки зрения – ошибается. Человек по определению не может себя чувствовать *заведомо* неправым (хотя умозрительно и допускает такую возможность), и любое сравнение с кардинально отличающимся мнением по тому же вопросу в морали и религии (не говоря уже о политике) поэтому несёт потенциал конфликта или даже социального взрыва. Показательно, что даже если сам человек меняет свою точку зрения на новую, он будет считать её правильной с момента изменения (не раньше и не позже). А если под воздействием

информации или других факторов он вернётся к исходной, то чувство правоты останется, а ошибочной им будет считаться промежуточная позиция.

Возвращаясь к модели нормы как системы координат, дополним её ещё одним образом. Каждая ось в проекции на сознание может быть представлена как круг или сфера с размытыми границами, где центр (ядро) предельно плотно заполнен точками, что соответствует ясности, чёткости, однозначности оценок (индивидом, группой или обществом), а по мере удаления от центра плотность заполнения точками падает, что соответствует большей неопределённости ситуации и её толкования. На размытой границе круга неопределённость очень высока, что может привести даже к противоречивой оценке (вспомним фразу из фильма: «Деточкин виноват, но он ... не виноват»).

Важным видится вопрос о количестве систем координат и их подвижности, социальной изменчивости. Если исходить из тезиса экзистенциализма об уникальности и свободе каждого человека, то таких систем даже больше, чем индивидов, ибо человек не равен сам себе. Если же опираться на структуралистский взгляд, то надо признавать индивидов слепыми послушными носителями «социальных матриц». Вероятно, истина заключается в диалектическом синтезе: с одной стороны, такие системы (например, моральные кодексы) имеют социальную генеалогию, с другой, их окончательная интерпретация, оценка и соблюдение остаётся делом индивидуального выбора и ответственности. Наиболее драматично последнее обнаруживается в процессах социальной нестабильности и трансформации, сопровождающихся коренной ломкой прежних систем координат. Для примера возьмём путь эволюции социальной оценки эвтаназии в некоторых странах: от уверенной квалификации такого действия как убийства через возникновение сомнений и дискуссий о допустимости такого шага к его юридической легализации (а значит и моральной оправданности). Собственно, путь такой трансформации проходит любая социальная норма, даже оставаясь в своих прежних лингвистических границах (как те же заповеди). Как считал представитель философской антропологии Х.Плеснер, человек по своей природе существо экс-центричное, всё время стремящееся выйти за свои пределы, границы. В этом плане развитие общества – это перманентный процесс поиска, установления и смены этих границ. Границы – это и есть социальные нормы. Без них жизнь невозможна, но они не бывают статичными. Задача философии как рефлексии над основаниями (универсалиями) культуры и заключается в том, чтобы выявлять глубинные причины, механизмы и последствия таких социальных трансформаций. А ответственность каждого человека состоит в том, чтобы хотя бы минимально рефлексировать как над самими нормами, так и над своим поведением.